«Свобода научного мышления — буржуазный предрассудок, а потому все профессора и преподаватели социальных наук должны согласовывать свои лекции с учением коммунизма и марксизма. Несогласные — лишаются права преподавать и увольняются с занимаемых ими должностей», — так гласил декрет 1921 г., подписанный комиссаром Ротштейном. Он приведен был в исполнение. То же самое было проведено во всех школах, на всех публичных лекциях и митингах; то же самое осуществлено было закрытием всех газет, кроме правительственных, запрещением печатать все книги, несогласные с догмой коммунизма и не одобренные правительственной цензурой. Излишне говорить, какой результат такой догматизм оказывает на мир опыта и знания. Критики (conditio sine qua non роста знаний) — не существует. Население обречено духовно питаться той невежественной дрянью, которую власть преподносит ему. Упадок мысли, роста и распространения знаний в таких условиях неизбежен.
295

Благодаря борьбе и обнищанию, голоду и нужде, догматизму и нетерпимости школы всех родов начинают закрываться, разваливаться, издание книг и газет (кроме узкореволюционных, менее всего дающих знания и больше всего возбуждающих эмоции и искажающих действительность) сокращается; состав учителей, преподавателей и воспитателей народа начинает искусственно — и большей частью в худшую сторону — изменяться: хорошие, но неугодные власти лица исключаются, неподготовленные лакеи — включаются; то же самое следует сказать и о самих учащихся.

Плохо оплачиваемые учителя начинают вымирать или бежать со своих голодных мест на более сытые; к этому присоединяется отсутствие книг, пособий и других вспомогательных средств обучения. В таких условиях народное образование и просвещение в конце концов деградируют — и тем сильнее, чем глубже и дольше революция. Такой вывод заставляет сделать прежде всего русская революция.
296

см. 296-298

Речь Луначарского
Известия 1922-293 (1732)_26.12.1922

"перейдем к одной стороне нашей школы, — к страданию нашего учителя. [...] Средняя квалификация членов союза работников просвещения значительно выше всех остальных без исключения. А оплата? Процент [средней зарплаты от] так называемого минимального

> заработка, принимающ[его]ся за [...] минимум существования, у деревообделочников – 81%, у строителей – 76%, бумажников — 68%, у [...] работников просвещения — 12%. [...] Учительство голодало беспрерывно в течение этих пяти лет [...] У нас среди учительства ужасающие факты нищенства, преждевременной смерти, колоссальные заболевании, самоубийства, проституция и т.д. Картина, как жил в это время наш учитель, потрясающая. И никто не должен удивляться тому, что от нас учителя бежали, куда глаза глядят... Не нужно удивляться тому, что новых учителей вербовать из сколько-нибудь ценных элементов [...] невозможно [...] Каждый из нас, работников Цекпроса и НКПроса, с смущением думали, как они встретятся с этими людьми, которые получают 12% прожиточного минимума, как они встретятся с этими людьми, негласно признанными париями".
>
> "приём в университеты по признаку социального происхождения дал[...] в этом году чудеснейшие результаты. У нас на первом курсе высших учебных заведений не менее 30% *одних коммунистов*" (не считая комсомольцев)

И начальная, и средняя, и высшая школы на 70% разрушены за годы революции… Вместо «ликвидации безграмотности» получилась «ликвидация грамотности». Весь шум, поднятый большевиками, был сплошной недобросовестной рекламой. Здания школ разрушены. Нет учебников, бумаги и перьев. Учителя, не получая ничего, частью вымерли, частью — превратились в батраков, даже в проституток (учительницы), часть счастливцев перешла на другую службу53.

Из высших школ были выброшены, расстреляны и высланы лучшие профессора и студенты, вместо них были назначены профессорами невежественные коммунисты, а студентами — коммунистическая молодежь54.

Не иначе обстояло дело с газетами и книгами. Тираж всех газет РСФСР в 1921–1922 гг. был не больше тиража одного «Русского Слова» до революции. Столь же резко сократилось число издаваемых и особенно покупаемых книг за годы революции, не говоря уже об их качестве55. В 1923 г. из общего числа грамотных крестьян не читают никаких газет 89%; через все волисполкомы по всей РСФСР за первое полугодие 1923 г. из 100 млн крестьян подписалось на газеты только 1683 человека56.

Словом, с какой бы стороны мы ни подошли к вопросу, получаем один и тот же вывод: разрушение, разрушение и разрушение. Революция в этом

отношении (как и в других) отбросила Россию лет на 50–60 назад.

53 См. указ. доклад Луначарского, рисующий ужасную картину существования школы и учителей.
54 Подробности см.: Сорокин П. А. Современное состояние России. Прага, 1923. Критерием при приеме в учебные заведения в 1922–1923 гг. становится не уровень знаний и способностей, а коммунистическая благонадежность. Для всех некоммунистов в 1922–1923 гг. двери школы были официально закрыты. Трудно признать такую «селекцию» разумной.
55 См.: На чужой стороне. Берлин, 1923. Сб. 1 (статья В. Розенберга).
56 Дни. № 250. [См. «Примечания и дополнения». С. 416.]